

Соревнованием это называлось скорее для вида.

Чжао Нань и правда был очень метким.

Он стал серьёзным и выглядел куда более собранным и лихим, чем обычно.

Пернатую стрелу он взвесил в ладони, положил на тетиву, натянул лук до предела и отпустил.

Теньк!

Стрела рассекла воздух и ударила точно в мишень неподалёку.

В глазах Фу Цзюэчжи появилась глубокая улыбка.

Он повернул голову.

— Отлично.

Услышав похвалу, Чжао Нань сразу обернулся.

Место между большим и указательным пальцами уже онемело от давления. Он тут же жалобно пожаловался:

— Но он такой тяжёлый.

Стоило договорить, как сзади протянулась рука и поддержала длинный лук из чёрного дерева.

Фу Цзюэчжи тихо рассмеялся прямо за его спиной.

— Туаньтуань, не напрягай запястье.

Левая рука Чжао Наня легла в чужую ладонь.

Палец легко коснулся его запястья и повернул руку вместе с луком.

— Указательным и средним цепляй тетиву. Большой палец упирается изнутри.

Ладонь на тыльной стороне руки была покрыта тонкими мозолями. От прикосновения Чжао Наню стало щекотно.

Предплечье уже ныло.

Он почти не мог держать вес, поэтому тихонько отпустил собственное усилие и опёрся на Фу Цзюэчжи.

При этом сделал чрезвычайно серьёзный вид.

— Угу, угу.

— На вдохе опусти плечи. На выдохе поворачивай талию.

Грудь Фу Цзюэчжи почти касалась его спины. Руки обхватывали Чжао Наня с обеих сторон.

Низкий голос звучал совсем близко:

— Силу тетивы можно использовать умнее, не только давить собственной.

С поля донёлся аромат цветущей софоры.

Фу Цзюэчжи отпустил его и отступил на полшага.

— Туаньтуань, попробуй ещё раз сам.

Чжао Нань сразу почувствовал неладное.

Лук больше никто не держал.

Рука мгновенно просела вниз на несколько сантиметров.

Он всё же натянул тетиву до полной луны и выпустил стрелу.

Та полетела совсем не туда и снесла собачью миску в нескольких десятках метров — ту самую, возле которой постоянно дежурил Большой Жёлтый.

Этот сторожевой пёс честно охранял стрельбище пять лет.

Никто ещё не выбивал у него миску из-под носа.

Большой Жёлтый мгновенно вскочил.

В мокрых собачьих глазах читалась чистая обида.

— Гав?!

Чжао Нань:

— ...

Чэнь Пин совершенно не ожидал, что стрела может отклониться настолько.

На лице появилось сложное выражение.

— Ух...

— Ай, прости! Не сердись!

Чжао Нань как раз уже наигрался.

Он с очень свободным видом передал тяжёлый лук Фу Цзюэчжи, развернулся и потребовал у сопровождающих тарелку сладких пирожков с соусом.

После этого они с Большим Жёлтым радостно побежали навстречу друг другу.

Фу Цзюэчжи смотрел на удаляющуюся фигуру и невольно улыбался.

На нём была простая тренировочная одежда. Высокий и стройный, он стоял под старой софорой, с которой летел белый пух.

Позади слуга обмахивал веером.

Фу Цзюэчжи выглядел мягко и спокойно, чуть прищурившись наблюдал, как Чжао Нань носится по всему полю.

Чэнь Пин заметил выражение князя и тоже расслабился.

Посмотрел туда же.

Княжеский супруг сейчас, кажется, утешал собаку и бросал ей кусочки пирожного.

Неизвестно, так ли хорошо кормили пса на стрельбище, но Большой Жёлтый был слишком толстым, чтобы нормально прыгать.

Не поймал вообще ни одного кусочка.

А потом Чжао Нань вдруг плюхнулся на траву.

Со спины превратился в маленький неподвижный комок.

Большой Жёлтый увидел это, прижал уши, подошёл и начал усердно вилять пушистым хвостом.

Чэнь Пин смотрел и ничего не понимал.

Но рядом раздался низкий приглушённый смех Фу Цзюэчжи.

— Как можно умудриться даже на собаку обидеться?

Чэнь Пин внезапно понял.

Животное ни разу не сумело поймать угощение. Княжеский супруг расстроился, а теперь сам пёс вилял хвостом, будто утешал его.

Теперь роли поменялись местами.

И уже непонятно, кто на кого обиделся.

Чэнь Пин рассмеялся.

— Княжеский супруг действительно ещё ребёнок по характеру.

Небо постепенно темнело.

Фу Цзюэчжи пошёл туда, собираясь поймать и привести человека обратно.

По дороге он повернул глаза к Чэнь Пину и распорядился:

— Ночью отправь человека за пределы храма. Пусть Лоу Чжоу и остальные придут в боковой двор. Нужно обсудить дело.

Чэнь Пин поклонился.

— Есть.

На ветвях уже устраивались уставшие птицы.

Фу Цзюэчжи немного помолчал и добавил:

— Сегодня он слишком разыгрался. Пусть во дворе приготовят горячую воду и уговорят княжеского супруга лечь пораньше.

Ночью деревья бодхи во дворе громко шелестели под ветром.

Под карнизом висели фонари и ярко освещали пространство.

Стало прохладно.

Чжао Нань лежал на длинной скамье.

Белые пальцы босых ног торчали наружу и лениво двигались в воздухе. Когда холод стал невыносимым, он попытался спрятать ступни под длинным краем одежды.

Рядом стоял евнух и читал ту самую книжку, которую днём слушали в карете.

— «В полночь сахарная фигурка превратилась в чудовище с синим лицом и клыками и гоняла распутного молодого господина по всему двору...»

Тонкий голос евнуха в ночи звучал особенно мрачно.

Чжао Нань слушал с большим интересом.

Краем глаза увидел на земле шевелящиеся тени деревьев.

То ли от холода, то ли от страха по коже прошла дрожь.

Монастырский двор был огромным и пустым.

Чэнь Пин нёс фонарь рядом с Фу Цзюэчжи, освещая дорогу.

Сегодня совещание затянулось.

Обсуждали, кто должен возглавить войска.

Последние годы армия Дачана была запущена, поэтому кандидатуру главнокомандующего спорили почти до полуночи.

Фу Цзюэчжи к такому режиму давно привык.

Взгляд оставался ясным, на лице не было видно усталости.

Он широким шагом вошёл во двор, но, увидев фигуру под деревом бодхи, вдруг слегка замедлился.

Полночь уже прошла.

На Чжао Нане была только тонкая нижняя одежда. Ни обуви, ни носков.

Похоже, стало холодно: он свернулся и наполовину спрятал ноги под подол.

Фу Цзюэчжи молча смотрел.

Чэнь Пин благоразумно тоже не издавал ни звука.

Фонарь у ворот приближался.

Чжао Нань услышал шаги и обернулся.

Фу Цзюэчжи медленно подошёл прямо к нему.

В глазах прятался тёмный огонь.

Пальцы стянули вместе немного распахнувшийся ворот Чжао Наня.

Голос был очень тихим:

— В комнату.

Лицо Фу Цзюэчжи ничего не выражало.

Ладонь на плече держала не слишком сильно и не слишком слабо. Тон оставался таким же спокойным, как обычно.

Но Чжао Нань почему-то сразу почувствовал:

Он сердится.

Евнух давно перестал читать.

Чэнь Пин отвёл Чжао Наня в комнату, затем закрыл лакированную дверь.

Чжао Нань немного занервничал.

Он ещё не успел сказать Фу Цзюэчжи то, что хотел обсудить.

С досадой зарылся в постель.

Снаружи прозвучал приглушённый голос.

Мрачный и холодный — предвестник настоящего гнева Фу Цзюэчжи.

— Стоило выехать из княжеской резиденции, и уже разучились служить хозяину?

Ответ евнуха был тихим и прерывистым. Чжао Нань почти ничего не разобрал.

А потом внезапно всё стихло.

Через некоторое время перед дверью появилась высокая тень.

Кто-то тихо постучал.

— Туаньтуань.

Фу Цзюэчжи стоял снаружи с прямой спиной. Ночная тень делала его фигуру особенно высокой.

— Я сержусь не на тебя.

Он знал, что Чжао Нань ещё не уснул.

И не хотел, чтобы тот засыпал в плохом настроении.

Свет свечи качнулся.

Голос Фу Цзюэчжи снова стал спокойным:

— На стрельбище ты говорил, что сегодня долго стоял и ноги сильно устали. Вечером тебе давали горячую воду, чтобы погреть ступни?

В нём чувствовались рассудительность и спокойствие человека старше.

Даже когда Чжао Нань молчал, Фу Цзюэчжи продолжал мягко:

— Осенняя ночь холодная. Даже если играешь во дворе, обувь и носки нужно надевать.

Чжао Нань дослушал — и уши слегка нагрелись.

Оставлять Фу Цзюэчжи без ответа ему тоже не хотелось.

— Я знаю, что ты обо мне заботишься.

Он немного подумал и добавил:

— Но я ждал, когда ты вернёшься. Стало скучно, вот я и попросил Цзишэна почитать. Не наказывай его.

За дверью внезапно стало тихо.

— Не буду.

Фу Цзюэчжи поднял веки и ответил неторопливо, словно вовсе не он только что приказал стражникам увести Цзишэна.

Фонарь под карнизом качался.

Выражение князя оставалось безмятежным.

Но внутри неожиданно поднялась волна.

Он понизил голос и мягко, почти уговаривая, спросил:

— Почему Туаньтуань ждал меня?

Получив обещание, что евнуха не накажут, Чжао Нань расслабился.

И наконец сказал то, что хотел сказать с самого начала:

— Ты сегодня сопровождал меня и играл со мной. Тогда завтра я тоже поеду с тобой по делам.

Он лежал на кровати и поднял голову.

Потом спросил почти как о договорённости:

— Поедем вместе? Можно?

Пальцы Фу Цзюэчжи у бока слегка согнулись.

Через мгновение он невольно рассмеялся.

— Можно.

Двор снова погрузился в тишину.

Тень у двери отступила на полшага.

Чжао Наня уже снова клонило в сон, когда он услышал последний голос Фу Цзюэчжи:

— Отдыхай как следует.

<http://bllate.org/book/19943/1983938>